

А.Г. Мысливченко

Соотношение экономической власти и политического регулирования в социальном государстве

Предметом анализа в этой статье является вопрос о соотношении демократии с политикой и экономикой, точнее – о соотношении института собственности и политического (государственного) регулирования. При этом я исхожу из представления о том, что демократия вырастает не из особой, политической сферы управления, а представляет собой способ функционирования и развития всего общества, одну из форм свободной коммуникации граждан, основанной на взаимопонимании.

Анализ соотношения политики и экономики теснейшим образом связан с понятиями собственности и субъектов экономической власти. Поэтому вначале следует определиться относительно самого понятия собственности, имеющего три аспекта: юридический, экономический и философский. В античную эпоху римские правоведы, опираясь на представление Аристотеля, определяли понятие собственности как владение, пользование и распоряжение (это определение сохранило свое значение до нашего времени). Позже появились различные естественно-правовые теории собственности. В Новое время (Локк и др.) возникновение собственности истолковывалось как результат трудового воздействия человека на природные объекты. В классической политической экономии категория собственности была включена в трудовую теорию стоимости. Опираясь на эту теорию, К.Маркс связывал отношения собственности со всей совокупностью экономических отношений. С юридической точки зрения, восходящей к римскому праву, соб-

ственность – это пакет прав владения, пользования и распоряжения, раскрывающих властный аспект, волевое отношение владельца к предмету собственности. Экономический аспект отражает связь понятия собственности с общественно-производственными отношениями в обществе, т.е. раскрывает сущность ее экономических отношений, заключающуюся в праве присвоения части создаваемых благ. Таким образом, отношения собственности носят экономический характер, юридически закрепленный в принципах и нормах права. В этом качестве они обретают социально-философский статус, образуя фундамент системы общественных отношений. Некоторые мыслители затрагивали и философско-психологические аспекты определения собственности. Так, Д.Юм связывал ее со справедливостью и психологией. В.С.Соловьев – с нравственностью и психологией, т.е. с самим существом человеческой личности. Иными словами, собственность в философском плане истолковывается как один из способов самоутверждения человеческого Я посредством присвоения предметов производственного и личного потребления.

По мере развития производительных сил отношения и формы собственности претерпевали эволюцию. Особенно важные изменения произошли на рубеже XIX и XX вв. Прежде всего речь идет о том, что возникновение монополий, финансового капитала, акционирование предприятий и т.д. инициировало новое понимание соотношения экономики и политики, института собственности, субъектов экономической власти и роли государства, его политико-экономических функций. Теоретическое истолкование этих вопросов теснейшим образом связано с развитием идей социального государства и демократии.

В характере взаимоотношений между субъектом собственности и политической властью в капиталистических странах произошли существенные изменения. В XIX в. владелец собственности выступал сувереном не только в экономической сфере, но и политической. Если в XIX в. владельцы собственности одновременно выступали и как господствующая политическая сила, то в XX в. произошла трансформация субъекта собственности, вызвавшая далеко идущие последствия. Акционерные общества, кооперативные предприятия и т.д. демонстрировали процесс эрозии единоличного управления частной собственностью, возможность распределения

прав собственности между различными субъектами власти, возможность социализации отдельных функций права владения, которые законодательным путем изымались из частного владения и закреплялись за различными государственными и общественными организациями.

Осознание этого процесса привело многих политиков к постепенному отказу от прежней догматической интерпретации как самого института частной собственности, так и идеи обобществления в форме всеохватывающей государственной национализации средств производства.

В марксистской литературе понятие собственности обычно анализировалось в трех основных аспектах. Во-первых, в плане выявления исторических условий ее возникновения; во-вторых, как право владения собственностью, закрепленное юридически; в-третьих, определялись особенности различных форм собственности (общественной, частной, кооперативной и т.д.) и их влияние (положительное или отрицательное) на общественный прогресс. Отсюда вытекало преимущественное внимание к выяснению процентного соотношения между государственной (национализированной) и частной собственностью в той или иной стране. И делался вывод, что чем больше процент национализированных средств производства, тем больше создается условий для осуществления социалистических принципов. И наоборот.

Вследствие такого подхода широкое распространение получило представление, которое можно назвать дихотомическим, изображавшим право владения по принципу «или-или», т.е. это владение может быть или частным, или государственным (общественным). Однако, как будет показано ниже, в XX в. дихотомический подход перестал соответствовать реалиям общественно-экономического развития стран и не способствовал адекватному пониманию вопроса о субъекте власти, о соотношении экономической и политической власти. Поэтому в западной политологии был выдвинут другой методологический принцип, получивший название функционального.

Политико-философской платформой такого подхода послужили идеи Карла Поппера по вопросу о соотношении экономики и политики. Характеризуя марксову разновидность историцизма как экономизм, он все же соглашался, что между экономическими

условиями и идеями действительно существует взаимодействие, но это не просто односторонняя зависимость идей от экономики. В теории «открытого общества» и социальной инженерии Поппер пришел к знаменательному выводу, что в соотношении экономики и политики решающее значение имеет не экономика, а политика. Нельзя допускать, чтобы экономическая власть доминировала над политической властью. «Демократия, или право народа оценивать и отстранять свое правительство, представляет собой единственный известный нам механизм, с помощью которого мы можем пытаться защитить себя против злоупотребления политической силой. Демократия – это контроль за правителями со стороны управляемых»¹. Таким образом, политическая власть может и должна контролировать экономическую, разрабатывать программу защиты нуждающихся, а также вести борьбу со злоупотреблениями экономической власти, например, коррупцией.

Отвергая широко распространенное представление, согласно которому экономическая власть является корнем всех зол, Поппер вместе с тем обращал внимание на другие опасности, порождаемые бесконтрольной властью любой формы. Деньги становятся опасными тогда, когда на них можно купить власть – непосредственно или путем порабощения экономически слабых. Фундаментальная проблема всякой политики – проблема контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти в государстве. Поэтому социальная инженерия предлагает превратить правовую систему в мощный инструмент политики. В этой связи следует проводить различие между личностями (лицами) и институтами. Всякая широкомасштабная политика должна быть институциональной, а не личностной. И хотя политические проблемы могут требовать именно личных решений, все же всякая демократическая долгосрочная политика должна разрабатываться в рамках безличных институтов. «В частности, проблема контроля за правителями и проверка их власти является главным образом институциональной проблемой»².

Обсуждение выбранной нами темы в дальнейшем будет вестись в контексте представлений о социальном государстве как особом, социально ориентированном типе государства с развитой многоукладной экономикой, высоким уровнем социальной защищенности всех граждан в условиях представительной демократии. Появление собственно социальных функций у государства произо-

шло во второй половине XIX в. После II мировой войны идеи социального государства были возведены в конституционный принцип многих государств. Сформировались континентально-европейская, скандинавская и англо-американская модели социального государства, различающиеся по степени и способам реализации задач социальной политики. Согласно конституции, Российская Федерация также является социальным государством. Однако его идеи только лишь начинают реализовываться. Европейская модель социального государства, получившего название «государства благосостояния», – результат исторической борьбы различных общественно-политических движений как левой, так и правой ориентации, хотя и в различной степени. Современное социальное государство – совокупность социальных институтов, регулируемых государством, опирающимся на институты гражданского общества. Его главная функция – политическое регулирование сфер социального обеспечения, жилищного строительства, здравоохранения, образования, трудовой занятости, охраны внешней среды и др. Социальное государство призвано обеспечить правовое обоснование и достойный уровень поддержки в названных сферах для всех членов общества.

В современных условиях важное значение имеет поиск новых форм социализации, обновленное истолкование тех ее форм, которые получили название обобществления. В теоретическом плане понятие обобществления представляет собой трансформацию отношений собственности посредством превращения частной формы собственности или отдельных функций права владения (контроль, распределение) в государственную (национализированную) или общественную (коллективную) форму владения средствами производства. В первом случае образуется государственный сектор экономики, во втором – общественный (кооперативы, акционерные общества и др.). Еще К.Маркс в 3-м томе «Капитала» обращал внимание на то, что создание акционерных предприятий представляет собой «переходный пункт» к новому, обобществленному способу производства, к превращению капитала в собственность ассоциированных производителей. В современных высокоразвитых государствах ростки обобществления, представляющие собой по сути дела процесс социализации капитала, проявляются в создании новых видов кредитных, страховых, акционерных обществ и кооперативов, прогрессивных систем налогообложения.

Таким образом, бывшая когда-то популярной среди социалистов идея всеохватывающего централизованного планирования в настоящее время отвергается, но широко практикуется государственное регулирование и целевое программирование экономики. В программах партий социал-демократического толка подчеркивается, что процесс обобществления происходит не революционным путем ликвидации частной собственности, а посредством постепенного расширения прав производителей на долю продукта и власти. Особое значение придается попыткам применить на практике принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление».

Исходя из такого понимания института собственности и категории обобществления, видный теоретик немецкой социал-демократии Томас Майер пишет, что «если отдельные из этих прав те, кого они касаются, возьмут себе или по меньшей мере смогут участвовать в их осуществлении, то часть экономической власти уже подпадала бы под демократический контроль, даже если бы частная собственность не была ликвидирована. О чем идет речь на самом деле – это реальная демократизация полномочий на принятие решений в экономике, а не просто формальное изменение юридического названия собственности»³.

В нашей литературе «функциональный» подход к проблемам частной собственности до сих пор по-настоящему не осознан и не раскрыт. О нем вообще мало кто знает. Преимущественное внимание обычно уделяется традиционному, дихотомическому выяснению процентного соотношения между национализированной (государственной) и частной собственностью в той или иной стране. Как будто это имеет решающее значение...

Между тем вот уже несколько десятилетий существует шведская модель общественного развития, получившая название «функционального социализма» (ее обосновали Н.Карлебю, Э.Унден, Г.Адлер-Карлссон и др.). Наиболее полную разработку эти идеи получили в книге Гуннара Адлер-Карлссона «Функциональный социализм. Альтернатива коммунизму и капитализму» (1970)⁴. Автор развивает нетрадиционный подход, имеющий эвристическое значение для дальнейшего обсуждения этой проблематики. Он считает, что до сих пор «право владения (собственности)» рассматривалось как нечто однозначное, неделимое (т.е. или как целиком

государственная, или как целиком частная форма владения собственностью), что вело к затемнению сути дела. Между тем, говорит Адлер-Карлссон, нужно посмотреть на вопрос в свете функциональных свойств понятия права владения. И тогда обнаружится, что оно состоит из многих функций, которые можно распределять между различными субъектами власти.

В отличие от интерпретации «или-или», функциональный подход делает акцент на том, что оказывается более существенным, – на структуре права владения, охватывающей целый спектр функций (правомочий), таких как владение, распоряжение, пользование, контроль, распределение доходов и продуктов производства и т.д. Одни из этих функций (например, юридически закрепленное право владения) могут оставаться в частной собственности, другие же могут быть «обобществлены», или социализированы.

Экономическая система современных развитых стран имеет многоукладный характер. В ней представлены различные формы собственности: частную, государственную, кооперативную, акционерную (частная и коллективно-трудова).

В Швеции сложилась в известной мере парадоксальная ситуация, которая характеризуется сохранением основных средств производства в частном владении (85–90% производства) при одновременном изъятии и социализации ряда функций права собственности. В результате такой социализации сложился мощный «общественный» сектор, охватывающий бюджетные расходы на социальное обеспечение, оборону, образование, здравоохранение, науку, культуру, управление и т.д. Обращает на себя внимание, что этот сектор возник в результате не традиционно понимаемой национализации, а функциональной социализации в вышеназванном смысле. Таким образом, решающее значение придается не праву собственности, а политическому управлению отдельными ее функциями, т.е. контролю над производством и распределением его продуктов через соответствующую налоговую политику, регулирование рынка труда и т.д.

Среди многих инструментов, создаваемых для общественного контроля за экономической властью, важнейшую роль играют производственные комитеты, призванные обеспечивать соучастие наемных работников во всех основных вопросах деятельности предприятия («производственная демократия»).

В программе СДПГ утверждается, что в современном государстве более одной трети социального продукта проходит через руки государства. Поэтому вопрос заключается не в том, целесообразно ли распоряжение и планирование в экономике, а в том, кто осуществляет это распоряжение и кому оно приносит пользу. Частная собственность на средства производства имеет право на защиту и поощрение в той мере, в какой она не препятствует созданию справедливого социального строя. «В крупной экономике распорядительная власть перешла преимущественно к управляющим, которые, в свою очередь, служат анонимной власти. Тем самым частная собственность на средства производства утратила здесь в значительной степени свою распорядительную власть... Всякое сосредоточение экономической власти, в том числе и в руках государства, таит в себе опасность. Поэтому общественная собственность должна строиться на принципах самоуправления и децентрализации»⁵.

«Функциональное» истолкование института частной собственности принципиально противостоит марксистской традиции, согласно которой решающая роль в развитии общества принадлежит именно форме собственности. По мнению же социал-демократов, задача состоит не в том, чтобы уничтожить механизм частной собственности в обществе, а в том, чтобы заставить собственника капитала поделиться той властью, которую эта собственность порождает. А форма собственности сама по себе не так уж важна, лишь бы она давала положительные результаты.

Выступая против всеобщего огосударствления экономики, социал-демократы вместе с тем не исключают возможности и необходимости оказывать более кардинальное влияние на структуры собственности в хозяйственной жизни и изменять их. Так, в программе социал-демократической партии Швеции ставится задача сломать концентрацию экономической власти, означающую, что в крупных секторах экономики продолжают доминировать интересы немногих, прежде всего олигархов. Для решения этой задачи предлагается развивать упоминавшийся выше принцип «коллективного совладения через коллективное капиталонакопление». Если потребуют интересы общества, то социал-демократы допускают, «чтобы в собственность или под контроль общества перешли природные ресурсы, кредитные учреждения или отдельные предприятия»⁶. Банки, кредитные учреждения и страховые обще-

ства должны находиться под общественным надзором. Правда, возможность названных мер допускается лишь при условии, что этого «потребуют интересы общества», но не-ясно, каким образом это может произойти.

Важное значение в поисках способов воздействия на инвестиционный капитал придается различным формам «коллективного капиталонакопления». Так, в 1975 г. группа шведских экономистов из числа социал-демократов и деятелей профсоюзов во главе с Р.Мейднером выступила с проектом создания особых фондов, получивших название «фондов трудящихся». Замысел состоял в том, чтобы определенный процент прибыли предприятий (поначалу называлась цифра 20%, но в ходе дискуссий она понижалась) отчислялся в этот фонд с тем, чтобы в дальнейшем полученные средства превратить в акции предприятий, а работников – во владельцев этих предприятий. По сути дела, речь шла о том, что предлагалась схема поэтапной социализации и передачи в руки профсоюзов большей части экономики Швеции. Однако этот проект встретил жесткое сопротивление со стороны капиталистов. Противники создания фондов указывали, что коллективная форма владения приведет к снижению эффективности и рентабельности предприятий и к концентрации функций владения в руках небольшой группы профсоюзных и социал-демократических функционеров. В результате с 1978 г. в проект был внесен ряд поправок, а в 1983 г. был выдвинут новый вариант, который предлагал промышленникам внести определенную сумму в пенсионный фонд, а взамен трудящиеся должны были согласиться на снижение заработной платы. В итоге важная идея заглохла, а попытки создания фондов как формы «коллективного капиталонакопления» так и не увенчались успехом.

Одна из причин этого, видимо, кроется в самой природе категории собственности. В этой связи один из авторов переведенной на русский язык книги по истории шведской социал-демократии пишет: «Курс на постепенное обобществление прав собственности неизменно упирается в тупик, как только общественное вмешательство доходит до фундаментальной сути права собственности (остававшейся, впрочем, никак не сформулированной). С этой точки зрения собственность – не луковица, которую можно очистить полностью, а скорее артишок: после снятия наружных слоев

у него остается твердая, прочная сердцевина. Окончательно разрешить этот вопрос могло бы только полное разрушение права собственности...»⁷. Но об этом кардинальном способе, конечно, никто всерьез не говорит.

Наиболее весомый вклад в построение социального государства внесли европейские социал-демократические партии. Главным их политическим инструментом выступает национальное социальное государство, использование демократических институтов для проведения политических установок. Основу институциональности государств благосостояния образует система централизованных социальных соглашений между главными участниками экономической жизни – профсоюзами, работодателями и государством, которое легитимирует и контролирует соглашения. Это создавало производственную основу для перераспределения доходов посредством введения прогрессивной шкалы налогообложения, высоких налогов на прибыль и широкой системы социальных выплат. Достигнуты впечатляющие результаты в социальном обеспечении, здравоохранении, образовании, трудовой занятости, культуре и т.д.

Решение задач социального государства напрямую зависит от состояния экономики. Особое значение в формирующейся посттехногенной модели общественного устройства приобретает рациональная социальная организация, ориентированная на достижение консенсуса между различными социальными слоями не только и не столько за счет перераспределения ресурсов, сколько за счет более эффективного их использования. Этот подход получил название «интегрирующей демократии». Согласно этой концепции, одной лишь политической демократии недостаточно, нужно, чтобы все трудящиеся имели возможность равноправно участвовать в организации общества и в управлении. Демократические идеалы должны пронизывать не только политическую жизнь, но социальную сферу и экономику. Теоретики социал-демократии отдают предпочтение демократии не как классовому правлению (например, пролетариата), а как правлению всех на основе принципов консенсуса. Отсюда призыв – от политической демократии к социальной и экономической демократии. В Швеции концепция интегрирующей демократии сочетается с другим идеалом – концепцией общества и государства как «дома народа», в котором царят равенство, внимание друг к другу, сотрудничество и взаимопомощь.

Для борьбы с бюрократизмом и отчуждением населения от институтов власти практикуются различные формы участия граждан в обсуждении и решении социально-экономических и других вопросов: создание на предприятиях и в учреждениях производственных и профсоюзных комитетов, независимых общественных организаций и комиссий, поощрение многообразных форм взаимной помощи и т.д. Взят курс на формирование «общества соучастия», осознания гражданами важности и нужности своей роли в государстве, чувства личной ответственности не только за себя, но и за дела в обществе. Иными словами, гражданское общество может держать под контролем государственные институты, оказывать давление на парламент, брать на себя задачи по организации взаимопомощи.

Поначалу традиционная политическая установка социал-демократов на достижение равенства приносила определенные социально значимые результаты. Однако в дальнейшем, по мере интернационализации мировой экономики, обострения международной конкуренции и развития европейской интеграции становится все более затруднительным проводить социально ориентированную политику прежними методами. Постоянный рост государственных субсидий в социальную сферу, несбалансированность повышения заработной платы с уровнем производительности труда, сильно разросшийся бюрократический аппарат управления и т.д. – все это порождает психологию социального иждивенчества, не способствует проявлению личной инициативы, а значит, и росту производительности труда. Простое продолжение традиционной политики выплат создает угрозу для самого существования социального государства. Возникли дискуссии о необходимости реформирования существующей модели государства посредством отказа от политики социальных выплат и компенсаций и перехода к перестройке сложившейся системы образования, обучения и переобучения кадров с тем, чтобы стимулировать развитие частной инициативы, индивидуальной ответственности («самоответственности»). Иными словами, происходит смена парадигмы: от патерналистской роли государства к «государству инвестиций» в человеческий капитал (прежде всего в образование).

Ясно, что для обеспечения возможности финансирования и поощрения людей приобретать нужные квалификации или даже пойти на переквалификацию необходимо осуществить серьезную

перестройку сложившейся системы образования. Поскольку однажды полученное образование теперь уже не гарантирует индивиду шансы на будущее, то доступ к образованию и использование возможностей нового обучения должны быть обеспечены в течение всей жизни. Иными словами, образование и профессиональная подготовка должны войти в повседневную жизнь человека и тем самым ликвидировать традиционный разрыв жизненного цикла на три стадии – школьную, трудовую и пенсионную.

В неолиберальных и неоконсервативных идеологиях, ориентирующихся на глобализацию, утверждается, что сфера политики, политических методов решения социальных проблем сужается, растет тенденция к минимизации роли государства, поскольку рыночная экономика сама вырабатывает механизмы ее саморегуляции. В противоположность этой позиции социал-демократы считают, что государство призвано быть гарантом сплочения всех социальных групп, т.е. «интегрирующей» демократии. Государство, поддерживая эффективную рыночную экономику, в то же время должно гарантировать равные возможности и права для граждан, обеспечивая им справедливый доступ к социальным благам, которые не должны зависеть от распределения через рынок. Таким образом, социал-демократы выступают против смешивания понятий «рыночная экономика» и «рыночное общество». Задачи, связанные с обеспечением, с одной стороны, «социальных расходов» (в виде простых выплат), а с другой – «социальных инвестиций», нужно не противопоставлять, а сочетать.

На последних конгрессах Социнтерна была выдвинута идея разработки новой, усовершенствованной модели социального государства. Лиссабонский саммит государств Европейского Союза (2000 г.) принял решение, ориентирующее на стратегию строительства «Социальной Европы», т.е. европейской модели социально-экономического развития, в том числе на выработку принципов единой социальной политики Евросоюза.

Обсуждая перспективу создания «европейской модели», видный немецкий социал-демократ Э.Эпплер пишет, что в данном случае речь не идет о некоем специфическом социал-демократическом проекте, ибо европейская модель может основываться только на широком консенсусе, охватывающем не только социал-демократов, но и христианских демократов, «зеленых» и часть тех либералов,

которые считают себя приверженными традициям европейского либерализма. «Что представляет собой модель, которую европейцы могут противопоставить англосаксонской рыночной модели? Европейская модель также будет моделью рыночной экономики. Но, чтобы быть европейской, она должна быть политической. Вместо того, чтобы вытеснять политику рынком, она должна предоставить и политике, и рынку их законное место»⁸. Удовлетворять потребности, которые рынок удовлетворить не может, – первостепенная задача национальных государств и гражданского общества, в котором граждане обладают влиянием и волей принимать политические решения.

Выработка оптимальной модели государства продолжает оставаться актуальной и для современной России. Для проведения политики реформ важно критически осмыслить зарубежный опыт строительства социального государства, имея в виду как его достижения, так и кризисные тенденции, выявившиеся в последние годы. Политическая жизнь показывает, что аналогичные проблемы возникают и в России.

Зарубежный опыт общественного развития, достижения в проведении реформ, особенно государственного регулирования экономики и социальной сферы, в организации системы социальных гарантий, создания условий для развития малых и средних предприятий, парламентского контроля над исполнительной властью и т.д., безусловно, заслуживают всестороннего изучения и продуманного, взвешенного использования, если учитывать при этом существенные различия в социально-экономических условиях и национальных традициях различных стран. В специфических условиях России требуются существенные корректировки этого опыта.

Рассмотренный выше функциональный метод нашел свое отражение и в современной российской политике. Правда, вначале в неявной, а затем в более открытой форме и с некоторыми особенностями, о которых будет сказано ниже. В ежегодном послании президента В.В.Путина Федеральному собранию страны (2001 г.) было высказано положение, которое до сих пор не стало предметом оценки в нашей печати, прошло как бы незамеченным. «Я убежден, – говорится в послании, – эффективность государства определяется не столько объемом контролируемой им собственности, сколько действенностью политических, правовых и административных меха-

низмов соблюдения общественных интересов в стране». Здесь речь идет о том, что решающее значение имеет не форма собственности сама по себе (частная, государственная и др.), не традиционное выявление процентного соотношения между ними (т.е. «объема»), а эффективное управление, контроль над производством и распределением посредством налоговой политики, регулирования рынка труда и т.д. Эта позиция, по сути дела, выражает функциональный подход, направленный, как было сказано в послании, на создание «механизмов соблюдения общественных интересов». Иными словами, государство должно выполнять социальную миссию. Идея социального государства, перспективы его развития способствуют выработке в обществе консенсусных и консолидирующих подходов, созданию устойчивой политической системы.

Но если следовать той логике, что эффективность государственного регулирования экономики не зависит от форм собственности, то из этого можно сделать вывод о нецелесообразности пересмотра итогов приватизации в России 90-х годов. Между тем следует прислушаться и к вопросам по поводу того, как проходила приватизация, о различного рода махинациях. «Однако, – отмечалось в послании, – передел собственности может быть для экономики и социальной сферы страны еще более вредным и опасным».

И все же в последнее время усиливаются разговоры о пересмотре итогов приватизации. Лидер партии «Справедливая Россия» С.М.Миронов считает: «Необходимо признать на государственном уровне, что собственность, приобретенная в период либеральных реформ 1990-х гг. с использованием преимуществ олигархической монополии, не имеет морального основания. Такая собственность не является продуктом честного труда и требует социальной легитимации. Способом социальной легитимации должно стать возмещение нынешними владельцами разницы между реальной ценой приобретенной собственности и той, что была за нее уплачена в условиях олигархического монополизма»⁹.

Осенью 2007 г. ВЦИОМ опросил по этому вопросу предпринимателей. Оказалось, что 58% из них согласны на компромисс с властью в том случае, если предприятия были приобретены с нарушением законов. 17% – против любого отъема собственности. И только 15 % выступают за массовый пересмотр итогов¹⁰. Директор Института новой экономики С.Ю.Глазьев считает, что итоги

приватизации должны быть пересмотрены, например, с помощью введения компенсационного налога на те объекты приватизированной собственности, которые в свое время были недооценены, а также путем пересмотра в судебном порядке незаконных сделок¹¹.

В последнее время в нашей печати возникла дискуссия по поводу создания госкорпораций. До сих пор в российской экономике были такие формы собственности, как государственная, муниципальная, частная, а теперь появилась новая форма собственности – госкорпоративная (например, «Роснанотех», «Олимпстрой», «Ростехнологии» и др.). Созданные госкорпорации занимают уникальное положение: они являются некоммерческими организациями, которым государство либо дает средства в уставный капитал, либо передает им свое имущество, которое становится собственностью таких корпораций. Государство может назначать их руководителей, создавать наблюдательные советы. Но корпорации не могут быть подвергнуты банкротству (а значит, их ориентация на рыночную конкуренцию вызывает сомнения). Они ни за что и ни перед кем не отвечают. Зато размеры зарплат поражают воображение. И хотя этот вопрос – тайна за семью печатями, все же некоторым экспертам удалось выяснить, что руководители ряда госкорпораций и их заместители получают от 400 тысяч до 1 миллиона рублей в месяц. Они сами (или наблюдательный совет) назначают зарплату себе и своим сотрудникам. Оклад руководителя в большинстве госкорпораций почти вдвое выше, чем у президента России¹².

Аналитики выражают тревогу, что без должного контроля госкорпорации могут стать «черной дырой» нашего бюджета. И, как показывают некоторые факты, политическая власть все же прислушалась к подобного рода критическим высказываниям. Выступая на XII Петербургском международном экономическом форуме в июне 2008 г., первый заместитель председателя правительства РФ И.И.Шувалов, который, среди прочего, курирует также госсобственность, признал, что многие критикуют власть за стремление проникать во все сферы. Но у правительства нет установки на усиление роли государства. Оно должно проводить более сбалансированную и мобильную политику, т.е. в каждый конкретный момент быть в состоянии сократить вмешательство, когда задачи будут выполнены. И наоборот, быстро обеспечить свое участие, где это оказывается необходимым.

Для проведения этой политики, заявил И.Шувалов, необходимо максимально сократить число чиновников в аппарате управления крупнейших госкомпаний и заменить их «независимыми» квалифицированными специалистами-менеджерами, а также внедрить современные формы корпоративного управления. Комментаторы отмечают, что все сказанное выше отличается от политики, которая проводилась последние годы. Кроме того, они выражают сомнение в возможности реального осуществления этой замены, учитывая явный дефицит такого рода квалифицированных кадров.

Заслуживает внимания постановка новой цели – развивать институты демократии, соответствующие современным условиям: «Россия стала полноправным членом клуба крупнейших экономик мира... Мы поставили перед собой новые цели – стать страной с развитыми институтами современной демократии»¹³.

Высказанные подходы, видимо, можно назвать применением методов самокоррекции. Известно, что западную либеральную демократию считают несовершенной, но, как отмечал К.Поппер, у нее есть то великое достоинство, что она создала внутри себя механизмы самокоррекции и исправления ошибок. Формирование этих механизмов актуально и для России, где многие аналитики отмечают явную недостаточность, а то и вовсе отсутствие контроля за деятельностью властных институтов на всех уровнях. И дело не в количестве контролирующих организаций, а в эффективности их деятельности (чего как раз явно не хватает). Остро стоит проблема неэффективности выполнения государственных функций, полномочий чиновников во всех звеньях управления.

Для развития демократических принципов в стране важное значение имеет учет общественного мнения, предложений и критических замечаний граждан. К сожалению, в жизни утвердилась практика игнорирования критики в адрес власти как со стороны граждан, так и со стороны средств массовой информации. Или же создается видимость некоего реагирования, которое при ближайшем рассмотрении оказывается имитацией. На это обращал внимание еще А.Зиновьев после своего возвращения в Россию. Об угрожающей масштабности этого явления, укоренившегося в нашей политике и власти, пишет и известный журналист О.Попцов: «У нас слишком много имитаций. Даже больше того: имитационность стала нашей повседневностью, сутью политики. Имитация обще-

ственного мнения. Имитация гражданского общества. Имитация реформ – судебной, милицейской, науки, образования. Имитация демократии. Имитация борьбы с коррупцией»¹⁴. Невольно вспоминается мудрая сентенция – метафора: «Вся наша жизнь – игра».

Теперь перейду к вопросу относительно определения понятия демократии теоретиками различной политической ориентации. Во второй половине XX в. отчетливо проявился кризис всех мировых общественно-политических парадигм: либерализма, консерватизма, социализма. В массовом сознании они выступают как некие фундаментальные альтернативы. В действительности же, при всех их различиях, которые кажутся жизненно важными, по многим вопросам у них просматриваются некие общие позиции в понимании смешанной экономики, политического и культурного плюрализма, представительной демократии и др. Различия между названными течениями нередко проявляются в акцентах, дозах и очередности предлагаемых решений, в терминологии. В результате традиционные понятия, особенно «демократия», «свобода», «социализм» и др., подвергаются семантической эрозии, теряют свой первоначальный смысл. По признанию политолога А.Лейпхарта, «демократия – это понятие, которое решительно не поддается определению»¹⁵. Политический язык становится аморфным, неоднозначным, что подчас приводит к недоразумениям. Иными словами, смысловое поле политической семантики разрушается.

И тем не менее в вопросах генезиса демократических идей, глубинных истоков их формирования имеются и устоявшиеся наработки, которые, правда, не всегда принимаются во внимание современными политологами. Речь идет об определении демократии как способа жизни того или иного народа, исторически сложившегося способа коммуникации граждан и решения различных задач, возникающих в повседневной практической жизни. Кстати, категория «повседневности» была разработана в политико-философских исследованиях Д.Лукача. Демократия не есть некий универсальный ключ или учение, а задача, которая должна решаться снова и снова. Тот или иной уровень демократии не зависит от конституций и парламентских учреждений (например, в Англии до сих пор нет никакой конституции). Демократия не живет в силу законов и статей. Все законы могут выродиться в мертвую демократию. Демократия – не политическая система, а форма человеческой жиз-

ни. Демократические принципы вырабатываются и усваиваются постепенно, в ходе простых и обычных отношений, в результате осмысления практического опыта людей, особенно опыта реальной организации демократического общества на принципах диалога и компромисса. Но этого недостаточно. Важнейшую роль играло воспитание и усвоение демократических принципов в личной жизни посредством образования и просвещения простого народа в школах, высших народных школах, библиотеках, обществах и т.д. (особенно в сельской местности). В дальнейшем стали возникать различные профессиональные, культурные и политические союзы. Во всех названных учреждениях люди учились общественно-политической работе, практически обучались демократии. Это означает, что люди учатся понимать точку зрения других, учатся искусству сотрудничать и учитывать интересы не только личные, но и общественные. Иными словами, человек становится свободной личностью, гражданином.

В этой связи надо согласиться с выводом датского общественного деятеля и педагога Х.Коха, который после второй мировой войны работал в одной из высших народных школ, где прививал учащимся идеалы народовластия. «Мы, – писал он, – постоянно работаем над тем, как найти правильную демократическую форму правления. Но даже если удастся осуществить и политическую, и экономическую демократизацию общества, это будет далеко не все, если мы не будем в состоянии демократизировать самих людей – формировать, образовывать и воспитывать их»¹⁶.

В заключение несколько соображений относительно суверенного пути России в осознании ценностей демократии. Согласен с теми, кто говорит о необходимости учета национальных и интернациональных условий развития демократии, полагая, что в России была иная, чем в Западной Европе, форма исторического движения к демократии. Демократические традиции в России формировались естественным путем осознания ценностей суверенитета русской нации и русского государства. Особенность этого формирования заключается в том, что демократические традиции сочетались с упованием на патерналистскую роль государственной власти. Современная российская демократия является продолжением российской государственности на новом этапе ее развития, включающего в себя как задачи демократизации обще-

ства, развития гражданского общества, так и задачи строительства суверенного государства. Взятый поначалу политический курс на стабилизацию общества в настоящее время в основном исчерпал свои задачи и требует обновления, т.е. определения нового курса демократизации, сочетающейся с укреплением роли государства как механизма гармонизации общественных интересов, защиты прав человека, развития его как гражданина.

Примечания

- ¹ *Поннер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. С. 148.
- ² Там же. С. 153.
- ³ *Майер Т.* Демократический социализм – социальная демократия. М., 1993. С. 128.
- ⁴ *Adler-Karlsson G.* Funktionssocialism. Ett alternativ till kommunism och kapitalism. 2 uppl. Lund, 1970. S. 22.
- ⁵ Цит. по: *Помтхофф Х., Миллер С.* Краткая история СДПГ. М., 2003. С. 509.
- ⁶ Программа Социал-демократической рабочей партии Швеции. Бурос, 1992. С. 33.
- ⁷ Создавая социальную демократию (Перевод). М., 2001. С. 509.
- ⁸ *Eppler E.* Vom Europäischen Modell // *Gewerkschaftliche.* Düsseldorf, 1999. № 7–8. S. 389.
- ⁹ *Мионов С.* Мы выбираем новую социалистическую перспективу. М., 2007. С. 38.
- ¹⁰ См.: Аргументы и факты. 2008, № 6. С. 16.
- ¹¹ См.: Аргументы и факты. 2008, № 15. С. 11.
- ¹² См.: Ведомости. 07.05.2008.
- ¹³ Российская Бизнес-газета. 10.06.2008.
- ¹⁴ Литературная газета. 20–26.02.2008. С. 3.
- ¹⁵ *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах. М., 1997. С. 38.
- ¹⁶ *Кох Х.* Что такое демократия. Копенгаген, 1993. С. 87.